

Смагина Светлана Александровна

"НОВАЯ МОРАЛЬ" В СОВЕТСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ 1920-Х ГГ.

Статья посвящена вопросам "новой морали" в советском кинематографе 1920-х - начала 1930-х гг. Автор по крупницам восстанавливает нюансы звучания этой темы в фильмах того времени и отражает полемику режиссеров с пролетарскими идеями. То, что "новая мораль" в отношении семьи и роли женщины в обществе менее чем за десять лет успела быть заявленной киноэкраном и им же отторгнутой, носит важное историческое значение как для понимания советской культуры на ранних этапах её развития, так и для осознания роли кинематографа в жизни общества.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/12-4/41.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 12(86): в 5-ти ч. Ч. 4. С. 165-169. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/12-4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Кантом понимание в качестве главной задачи философии выведения сущности и содержания нравственных ценностей, законов и правил имеет непреходящее значение.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что философские редукции в отношении этики Канта выводят тезис о том, что в качестве одной из важнейших задач философии он определял поиск оснований сущности ценностей и нравственных правил. Он также связывал мораль с деятельностью практического обыденного разума, который призван развивать свою культуру, чья диалектика вынуждает его посредством философии искать так же, как это происходит с разумом в его теоретическом применении [4, с. 348]. Ценностное сознание оказывается возможным лишь при помощи работы «практического» разума. Кант первым в истории философии отождествил понятия «ценность» и «личность». Моральный поступок у Канта связан не с жизнью, а с проявлением почтительности к чему-то принципиально отличному, поэтому жизнь и наполняющие ее наслаждения утрачивают свою значимость. Заслугой Канта является также разграничение вопросов о природе ценностей и вопросов о бытии и о его познании, что нашло отражение в «Метафизических основаниях» философии ценностей. В целом учение Канта о ценностях стало отправной точкой в развитии последующей аксиологической мысли.

Список источников

1. Виндельбанд В. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками: в 2-х т. СПб., 1913. Т. 2. От Канта до Ницше. 496 с.
2. Виндельбанд В. Прелюдии. Философские статьи и речи. СПб., 1904. 374 с.
3. Жучков В. А. Мировоззренческое значение «Критики способности суждения» в философии Канта // TELEOLGIJA UN ESTETIKA. Рига, 1990. С. 8-24.
4. Кант И. Сочинения: в 6-ти т. М., 1965. Т. 4. Ч. 1. 544 с.
5. Кант И. Трактаты и письма. М., 1980. 712 с.
6. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. Изд-е 3-е, доп. М.: Смысл, 2007. 511 с.
7. Лэнгле А. Экзистенциально-аналитическое понимание эмоциональности: теория и практика // Национальный психологический журнал. 2015. № 1 (17). С. 26-38.
8. Риккерт Г. О системе ценностей // Логос. М.: Мусагет, 1914. Т. 1. Вып. 1. С. 3-240.
9. Ситкевич Н. В. Аксиологический срез изменений мировоззрения в информационном обществе // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Серия «Гуманитарные науки». 2011. № 3 (19). С. 43-50.
10. Столович Л. Н. Кант и проблема ценности // Кантовский сборник: научный журнал. 2009. № 2 (30). С. 20-30.
11. Тореева Т. А. Закономерности и факторы ценностных трансформаций // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 1 (75). С. 196-201.

KANTIAN INTERPRETATION OF THE ESSENTIAL CONTENT AND NATURE OF VALUES

Sitkevich Natal'ya Vyacheslavovna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Novomoskovsk Institute (Branch) of the Dmitry Mendeleev University of Chemical Technology of Russia
nsitkevich@yandex.ru

The article is devoted to the consideration of philosophical positions in the definition of the essential content of values in the ethical teaching of Kant. It is shown that the philosophical attention to the value significance of being is formed consistently and systematically precisely in the Kantian tradition. The topicality of the value problems for philosophical reflection is noted. And the timeless significance of its Kantian interpretation is emphasized.

Key words and phrases: values; ethics; philosophy; morality; moral law; Kantian interpretation.

УДК 791.43/.45

Искусствоведение

Статья посвящена вопросам «новой морали» в советском кинематографе 1920-х – начала 1930-х гг. Автор по крупицам восстанавливает нюансы звучания этой темы в фильмах того времени и отражает полемику режиссеров с пролетарскими идеями. То, что «новая мораль» в отношении семьи и роли женщины в обществе менее чем за десять лет успела быть заявленной киноэкраном и им же отторгнутой, носит важное историческое значение как для понимания советской культуры на ранних этапах её развития, так и для осознания роли кинематографа в жизни общества.

Ключевые слова и фразы: история кино; советский кинематограф; «половой вопрос»; новая мораль; новая женщина; гендер; гендерные исследования.

Смагина Светлана Александровна, к. искусствоведения
Научно-исследовательский институт киноискусства ВГИКа, г. Москва
smsval@mail.ru

«НОВАЯ МОРАЛЬ» В СОВЕТСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ 1920-Х ГГ.

Вопросы, связанные с отражением «новой морали» в отношении полов в советском кинематографе 1920-х – начала 1930-х гг., изучены слабо. Причин тому много. Здесь и стыдливое замалчивание вопросов,

которые стали «как бы непопулярны» в почти платонических отношениях героев фильмов сталинского периода начиная со второй половины 1930-х гг., и запрет некоторых картин. Например, «Строгий юноша» (А. Роом, 1935) получил второе рождение лишь в 1974 г. и остается до сих пор во многом не разгаданным произведением, содержащим множество аллюзий, ключ к которым давно утерян в отечественном киноведении. Основная цель, которая ставится в работе, – обозначить наличие вопросов о «новой морали» в кинематографе 1920-х – начала 1930-х гг. Автор пытается по крупицам восстановить нюансы звучания этой темы в кинопроизведениях того времени (многие из которых не сохранились), что носит важное историческое значение для понимания советской культуры на ранних этапах ее развития. Именно это знание и опыт работы с подобными проблемами оказывают неоценимую помощь в выборе решений в обществе, находящемся в процессе постоянного пересмотра отношений между индивидами, или обществом и индивидом. Заявленные вопросы являются необычайно актуальными и в настоящее время.

Задачей данной статьи является выделение основных кинопроизведений (большинство из которых в отечественном киноведении малоизучено), транслирующих эту тематику, проведение краткого анализа их идейного содержания и погружение некоторых фильмов в исторический и художественный контекст (по большей части литературный). Автор выстраивает логику появления фильмов на экране и устанавливает суть полемики, которую вели режиссеры, отвечая на те или иные вопросы морали своего времени. Заканчивается же статья обозначением новой системы репрезентации отношений между мужчиной и женщиной, которая возникает на экране в начале 1930-х гг., подытоживая, таким образом, кинематографические размышления режиссеров на тему «новой морали».

Говоря о «половом вопросе» в Советской России, невозможно не сказать о главной переломной точке в истории его становления – Октябрьской революции 1917 г. После прихода большевиков к власти в России формирование иной морали (отличной от патриархальной) как основы нового социально-политического общественного устройства становится одним из приоритетных вопросов. Советская власть понимает, что эффективность восприятия идеологии «нового мира» напрямую зависит от трансформации общественного сознания. Перемены должны были затронуть самые инертные стороны человеческой жизни – семейный институт и роль женщины в социуме. Поэтому она подхватывает и развивает начатое еще в дореволюционной России движение сексуального раскрепощения молодежи, одним из идейных вдохновителей которого был писатель М. Арцибашев со своим романом «Санин» (1907) [1]. Немецкий психолог В. Райх в своей книге «Сексуальная революция» (1934) приводит фрагмент переписки Л. Троцкого с В. Лениным 1911 года, где Троцкий пишет: «Несомненно, сексуальное угнетение есть главное средство порабощения человека. Пока существует такое угнетение, не может быть и речи о настоящей свободе. Семья, как буржуазный институт, полностью себя изжила. Надо подробнее говорить об этом рабочим...» [Цит. по: 19].

После революции в один год со знаменитыми ленинскими декретами 1917 г. «О мире» и «О земле» выходят декреты «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» и «О расторжении брака» [8], согласно которым женщина теперь получала право голоса наравне с мужчиной при разводе и могла претендовать не только на выбор места жительства после расторжения брака и собственную фамилию, но и на финансовое содержание от бывшего супруга. Освобождение женщины из-под гнета патриархальных традиций становится одним из приоритетных направлений государственных интересов [25]. Как пишет в своей статье «От старой семьи – к новой» Л. Троцкий: «Установить политическое равенство женщины с мужчиной в советском государстве – это одна задача, наиболее простая. Установить производственное равенство рабочего и работницы на фабрике, на заводе, в профессиональном союзе, так, чтобы мужчина не оттирал женщины, – эта задача уже много труднее. Но установить действительное равенство мужчины и женщины в семье – вот задача неизмеримо более трудная и требующая величайших усилий, направленных на то, чтобы революционизировать весь наш быт» [24]. Разумеется, эти пролетарские идеи о переустройстве быта, пересмотре института семьи и сексуальном равенстве в первую очередь подхватила молодежь как более открытая всему новому часть населения [2]. Вопросы «новой морали» становятся крайне популярными к 1920-м годам.

Одним из главных теоретиков «новой морали» становится А. Коллонтай, которая начала заниматься женской проблематикой еще до революции. В свет выходят её публикации «Тезисы о коммунистической морали в области брачных отношений», «Трудовая повинность и охрана женского труда» и др. [12; 13]. Она на основе сравнительного анализа ситуации в дореволюционной России и Советской вводит понятие «новой женщины», полномочном представителе нового социалистического общества. Она свободна от старой ханжеской морали и предрассудков и свое предназначение видит не в семейной, а в общественной реализации. Теория «революционного Эроса» А. Коллонтай, опубликованная в открытом письме «к трудящейся молодежи» под названием «Дорогу крылатому Эросу!» (1923), в общественном сознании была воспринята как призыв к свободной любви, несмотря на то, что она говорила о «любви-товариществе» и приподнимала «крылатого» (духовную близость) над «бескрылым» (физическое удовлетворение) Эросом. Вслед за серией рассказов Коллонтай, объединенных в сборник «Любовь пчел трудовых» [11] (1923), выходит целый ряд произведений, раскрывающий «новый половой быт»: очерк Н. Брыкина «Собачья свадьба» [3] (1925), роман «Цемент» Ф. Гладкова [5] (1925), рассказ П. Романова «Суд над пионером» [21] (1927), роман И. Каллиникова «Мощи» [10] (1925-1926), роман Л. Гумилевского «Собачий переулочек» [7] (1927) и его же повесть «Игра в любовь» [6] (1927), пьеса С. Третьякова «Хочу ребенка!» [23] (1927), повесть С. Малашкина «Луна с правой стороны, или Необыкновенная любовь» [16] (1927), роман Н. Венкстерн «Аничкина революция» [4] (1928), роман И. Рудина «Содружество» [22] (1929) и др. Доподлинно не установлено, каким образом фраза, которую приписывают Жорж Санд: «Любовь, как стакан воды, даётся тому, кто его просит»,

проникла в умы революционно настроенной молодежи советского государства. Однако эта мысль вылилась в поистине катастрофичную по своей популярности и размаху «теорию стакана воды», пропагандирующую свободные сексуальные отношения. Надо сказать, что стакан воды как деталь превратился в мем своего времени, и режиссеры достаточно часто обыгрывают его в сценах, завязанных на «половом вопросе».

К середине 1920-х годов «половой вопрос» достигает пика своей популярности в обществе, и в 1926 году поднимается волна критики в адрес новой морали. Как со стороны В. Ленина и А. Луначарского [17], так и со страниц газет и журналов звучат призывы покончить раз и навсегда с этой темой: статья в газете «Правда» под названием «Без черемухи» [9, с. 5], публикация журнала «Молодая гвардия», напечатавшая фрагмент диспута в Академии коммунистического воспитания имени Н. Крупской [15], статья «О проблемах пола и половой литературе» [18, с. 3] в «Известиях» и др. В 1927 году выходит брошюра А. Луначарского «О быте», где целая глава посвящена проблеме молодежи и теории «стакана воды»: «У буржуа, ненавистного нам типа, есть два отношения к женщине: как к жене, его домашней рабыне, и как к проститутке, с которой он сошелся, и ему горя мало, ему не важно, что с ней случилось дальше. И когда какой-нибудь наш комсомолец или коммунист говорит: знаете, я ведь не буржуй, я не стану вам буржуазную семью основывать, я придерживаюсь теории стакана воды, то он попадает в такое положение, при котором он чисто по буржуазному относится ко всем женщинам на свете, относится как к проституткам. Вот почему Ленин говорит, что это буржуазная точка зрения, голая буржуазная развратная точка зрения. Все это не имеет ничего общего с свободой любви, как мы, коммунисты, ее понимаем. Вы, конечно, знаете знаменитую теорию, “что в коммунистическом обществе удовлетворить половые стремления, любовные потребности будет также просто незначительно, как выпить стакан воды”. От этой “теории стакана” воды наша молодежь взбесилась. И для многих юношей и девушек она стала роковой. Приверженцы ее утверждают, что это теория марксистская. Спасибо за такой марксизм... Я считаю знаменитую теорию стакана воды антимарксистской, антиобщественной. В половой жизни проявляется не только природа, но и принесенная культура, будь она возвышенная или низкая. Энгельс в “Происхождении семьи” указал на то, что важно, чтобы половая любовь развилась и утончилась» [14, с. 74].

«Новая мораль», как когда-то патриархальная, начинает подвергаться ревизии. Достаточно иронично на эту тему высказывается А. Роом в фильме «Строгий юноша» (1935) по одноименной пьесе Ю. Олеши. У него главным герой Гриша (исп. Д. Дорлиак) заявляется как идеальный комсомолец, разработавший третий комплекс ГТО – свод моральных правил для нового социалистического человека, но который по сюжету фильма сам их и нарушает, о чем ему с издевкой регулярно сообщает окружение. Единственный человек, который пытается придерживаться этих норм, – Лиза (исп. А. Серова), но в силу своего комического амплуа одним только вопросом «Неужели ты не понимаешь?» превращает все заявления Гриши в фарс. И жестче всего она проходит как раз по теории «стакана воды»: «Нужно, чтобы исполнялись все желания, тогда человек будет счастлив. Неужели ты не понимаешь? А если желания не исполняются, тогда человек делается несчастным. Нельзя подавлять желания! Подавленные желания вызывают горечь, человек делается несчастным. Есть такая теория, вот! Хочется сесть на ступеньку – садись, хочется встать – встань. Это так просто. Хочется подпрыгнуть – подпрыгни. Хочется опрокинуть стакан – опрокинь (на этих словах Лиза смахивает рукой стакан воды со стола. – С. С.)», после чего обессиленно падает на стул со словами: «Как я устала от своей разнузданности». Однако едкая ирония Роома выходит уже под самый закат обсуждения «полового вопроса» в советском обществе. Самая жесткая критика со стороны кинематографа в адрес «свободных отношений» прозвучала чуть раньше, как отголосок скандального «чубаровского дела» о групповом изнасиловании 1926 года, в фильме Е. Дзигана «Суд должен продолжаться» (второе название: «Парад добродетели», 1930).

Надо сказать, что кинематограф в принципе очень чутко отзывается на «половой вопрос», но с важным дополнением – в отличие от литературы, кинематографом этот вопрос либо просто ставится, либо подвергается критике. Вместе с фильмом Дзигана в конце 1920-х годов выходит большое количество картин, посвященных взаимоотношению полов: «Проститутка» (другое название: «Убитая жизнью», О. Фрелих, 1926), «Расплата» (1926) (другое название: «За что?», В. Инкижинов, 1926. Фильм не сохранился), «Гонорей» (другое название: «Грехи молодости / Чужие грехи», М. Шор, 1927. Фильм не сохранился), «Парижский сапожник» (Ф. Эрмлер, 1927), «Третья Мещанская» (А. Роом, 1927), «Две женщины» (Г. Рошаль, 1928. Фильм не сохранился), «Право на женщину» (А. Каплер, 1930) и др. В фильме М. Авербаха и М. Донского «В большом городе» (другие названия: «Будни / За и против / Москва кабацкая / Город зовет», 1927) модный поэт Граня Бессмертный, склоняя девушку к близости, заявляет: «Новая любовь – это свободная связь на основе органичного влечения индивидуумов противоположных полов» (авторами обыгрывается известная фраза: «Новая любовь – это свободная связь на основе экономической независимости и органического влечения индивидуумов противоположного пола» из бестселлера своего времени С. Малашкина «Луна с правой стороны, или необыкновенная любовь» [16]), – на что в ответ слышит, что это «не любовь, а гадость!.. это ниже человеческого достоинства». И с фразой «Я для вашей любви не подхожу» девушка Граню отвергает.

Пожалуй, самым популярным в данной категории становится фильм А. Роома «Третья Мещанская» (1927) (первоначально фильм назывался «Любовь второе»). В Западном кинопрокате он получил название «Трое в подвале», а в Германии шёл под названием «Кровать и софа»). Он рассказывает историю Людмилы (исп. Л. Семенова), которая принимает навязанные мужем ей условия товарищеского «уплотнения», когда тот пригласил пожить в их комнате своего фронтового товарища. Оказавшись в стесненных жилищных обстоятельствах, она перешагивает через мещанские и домостроевские предрассудки и начинает сожительствовать с этим другом, оставив мужа за ширмой печально любоваться на переливы воды в стеклянном графине. Однако, заявляя новую пролетарскую мораль, основанную на свободных отношениях, мужчины по факту

остаются на прежних мещанских позициях – это и собственничество, и эгоизм по отношению к женщине. Забеременев, героиня сталкивается с примитивностью мышления и духовной скудостью обоих своих «мужей», которые мало того, что настаивают на аборте, так еще и мелочно подсчитывают, сколько надо внести денег на «аборт вскладчину». Она уезжает из Москвы, оставив горе-«отцов» в подвале, оказавшемся одновременно колыбелью и «могилой» любовного треугольника. Женщина становится полноценным членом советского общества, самостоятельно отвечающим за собственную судьбу. Но, что любопытно, Людмила противопоставляется «рулевым» новой идеологии, которые были в авангарде общества и вели его к светлому будущему, – бывшим фронтовикам Гражданской войны, оказавшимся морально незрелыми, неспособными отвечать за собственные поступки. Симптоматично, что беременная женщина в оппозиции партийным активистам оказывается героиней еще одного фильма о «свободной любви» этого же 1927 года – «Парижский сапожник» Ф. Эрмлера. Фильм заявляет важнейшую дилемму того времени – что из себя представляет эта новая комсомольская мораль (в первую очередь, в личных отношениях)? И из какой такой традиции она должна вырасти, если отцы обвиняются сыновьями в том, что те являются «чуждыми современности индивидами»? При этом вопрос в финале: «Кто виноват?» в ситуации, когда патриархальная семья была объявлена буржуазным пережитком, уводит от поиска решения проблемы, оставляя зрителя перед лицом новой морали с полной атрофией ценностей один на один.

В качестве заключения необходимо отметить, что, достигнув пика своей популярности в обществе в 1920-е годы, «теория стакана воды» в 1930-е утратила свою актуальность. На смену теорий о «новой морали» снова приходит строительство «единственно правильной формы семьи» – «длительной парной семьи» [14, с. 21]. Правда, с оговорками: при сохранении традиционного распределения ролей внутри «ячейки общества» для социума оба партнера – равноправные работники. В этом смысле весьма показателен финальный титр из фильма «В большом городе» (1927), когда Саша Бутов (А. Тимонтаев) приходит к отцу любимой девушки просить ее руки: «Тогда на семейном совете решили... Жить. Работать. Вместе».

В 1930-е годы для женщины уже недостаточно быть активисткой и проповедовать радикальные идеи, теперь она репрезентируется как труженица, а лучше – стахановка и орденосец. Именно такие работницы становятся героинями фильмов этого периода, а успешность войны в изображении женского образа появляются милитаристские ноты. В отечественном кинематографе на современную тему одной из самых растиражированных коллизий становится явное или завуалированное соперничество женщины с мужчиной на трудовом фронте. В результате этого противодействия, конечно же, побеждает любовь, но через эту расхожую идею пропагандировалась совершенно иная мысль – женщина не уступает мужчине по своим профессиональным навыкам и, если потребуется, сможет заменить его в тылу или наравне с ним отправиться на фронт: «Заклученные» (Е. Червяков, 1937), «Трактористы» (И. Пырьев, 1939), «Член правительства» (И. Хейфиц, А. Зархи, 1939), «Бабы» (В. Баталов, 1940), «Светлый путь» (Г. Александров, 1940), «Дурсун» (Е. Иванов-Барков, 1940), «Дочь моряка» (Г. Тасин, 1941) и др. С этими фильмами на киноэкран приходит новая модель взаимоотношений мужчины и женщины и окончательно закрывается дискуссия о «новой морали» советского общества.

Основной вывод данной статьи можно сформулировать следующим образом: представление темы «новой морали» на киноэкране при всем многообразном кинематографическом прочтении сводится к её принципиальной нерешенности и не решаемости в данных исторических условиях. Несмотря на критику слишком смелых отношений между полами, теоретики того времени не смогли выработать компромиссную модель, отличающуюся от старой буржуазной и слишком свободной постреволюционной. В сущности, каждая картина, посвященная тематике половых отношений, демонстрировала явный или скрытый вопрос, предполагающий зрительское размышление, которое так или иначе подталкивало зрителя к пониманию того, что единственно приемлемой моделью остаются традиционные отношения. Именно она ложится в основу морального облика строителя коммунизма последующих десятилетий.

Данное исследование может быть полезным для историков кино, культурологов.

Список источников

1. Арцибашев М. Санин. М.: СП «Вся Москва», 1990. 313 с.
2. Бильшай В. Л. Решение женского вопроса в СССР. Изд-е 2-е, перераб. и доп. М.: Гос. изд-во полит. и науч. лит., 1959. 264 с.
3. Брыкин Н. А. Собачья свадьба // Брыкин Н. А. В новой деревне: очерки. М., 1925. С. 17-21.
4. Венкстерн Н. А. Аничкина революция: роман. М.: Федерация, 1928. 217 с.
5. Гладков Ф. Цемент. Харьков: Прапор, 1983. 220 с.
6. Гумилевский Л. И. Игра в любовь. М.: ЗАО «Издательский дом Гелеос», 2001. 191 с.
7. Гумилевский Л. И. Собачий переулок. М.: Современный писатель, 1993. 384 с.
8. Декреты Советской власти 1917-1918 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/index.html> (дата обращения: 06.11.2016).
9. Ионов П. Без черемухи // Правда. 1926. 4 декабря.
10. Каллиников И. Ф. Мощи: роман: в 4-х т. Брянск: Изд. товарищество «Дебрянск»: Брян. обл. о-во книголюб., 1993. Т. 2. 486 с.
11. Коллонтай А. М. Любовь пчел трудовых. Из серии рассказов: «Революция чувств и революция нравов». М. – Пг.: Госиздат, 1923. 304 с.
12. Коллонтай А. М. Тезисы о коммунистической морали в области брачных отношений // Коммунистка. 1921. № 12-13. С. 28-34.

13. Коллонтай А. М. Трудовая повинность и охрана женского труда // Коммунистка. 1920. № 6. С. 15-17.
14. Луначарский А. О быте. М. – Л.: Государственное издательство, 1927. 82 с.
15. Лялин Н. Диспут в Академии коммунистического воспитания имени Н. Крупской // Молодая гвардия. 1926. № 12. С. 168-173.
16. Малашкин С. Луна с правой стороны, или Необыкновенная любовь [Электронный ресурс]. М.: Молодая гвардия, 1928. URL: <http://itexts.net/avtor-sergey-ivanovich-malashkin/146788-luna-s-pravoy-storony-ili-neobyknovennaya-lyubov-sbornik-sergey-malashkin.html> (дата обращения: 06.11.2017).
17. Партийная этика: документы и материалы дискуссии 20-х годов / под ред. А. А. Гусейнова и др. М.: Политиздат, 1989. 509 с.
18. Полонский В. О. О проблемах пола и половой литературе // Известия. 1927. 4 апреля.
19. Райх В. Сексуальная революция [Электронный ресурс]. URL: <http://www.e-reading.club/book.php?book=144323> (дата обращения: 06.11.2016).
20. Романов П. Без черемухи: повесть, рассказы. М.: Правда, 1990. 464 с.
21. Романов П. Суд над пионером // Молодая гвардия. 1927. № 1. С. 86-91.
22. Рудин И. Содружество. М.: Федерация, 1929. 304 с.
23. Третьяков С. Хочу ребенка! // Новый Леп. 1927. № 3. С. 3-81.
24. Троцкий Л. От старой семьи – к новой [Электронный ресурс]. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trot1916.htm> (дата обращения: 06.11.2017).
25. Шабатура Е. А. Образ «новой женщины» в советской культуре 1917-1929 гг.: дисс. ... к.и.н. Омск, 2006. 230 с.

“NEW MORALITY” IN THE SOVIET CINEMATOGRAPH OF THE 1920S

Smagina Svetlana Aleksandrovna, Ph. D. in Art Criticism

Research Institute of Film Art of Russian State University of Cinematography named after S. Gerasimov, Moscow
smsval@mail.ru

The article is devoted to the questions of “new morality” in the Soviet cinematograph of the 20s – the early 30-s. The author restores bit by bit the nuances of depicting this theme in the films of that time and represents the polemics of directors with proletarian ideas. The fact, that the “new morality” with regard to the family and the role of women in society had been declared by a cinema screen and rejected by it for less than ten years, is of great historical importance both for understanding the Soviet culture at early stages of its development, and for comprehending the role of cinematograph in the life of society.

Key words and phrases: history of cinema; Soviet cinematograph; “sexual question”; new morality; new woman; gender; gender studies.

УДК 903.5(470.55)«637»

Исторические науки и археология

В данной статье рассматривается влияние теоретических подходов в изучении погребальной обрядности на исследования курганных памятников синташтинской и петровской культур. Во второй половине XX века, в рамках научной дискуссии, археологами разрабатывались методы, которые легли в основу современных исследований погребальной практики. Главное внимание автор концентрирует на синтезе теоретических направлений, позволивших сформулировать понятие изучаемого явления, выявить его структуру, определить составляющие элементы и применить в изучении погребально-поминальной практики синташтинской и петровской культур.

Ключевые слова и фразы: археология; синташтинская культура; петровская культура; погребальный обряд; погребальная практика; Бронзовый век.

Снитковская Полина Алексеевна

Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург
p.a.sniky@yandex.ru

ИЗУЧЕНИЕ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКОВ СИНТАШТИНСКО-ПЕТРОВСКОГО ТИПА В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ

Исследование выполнено за счет гранта РФФИ № 161810332 «Образ жизни населения Южного Зауралья в диахронной перспективе: от оседлых форм к подвижности (по материалам бассейна р. Карагайлы-Аят)», рук. Л. Н. Корякова.

Погребальные памятники синташтинско-петровской культуры, в отличие от поселений, сконцентрированных в Южном Зауралье, известны по обе стороны Урала. Они представляют собой многомогильные курганы, содержащие остатки довольно сложной погребальной обрядности, исследование которой представляет большой научный интерес. Цель настоящей статьи – кратко осветить некоторые теоретические подходы к изучению данного явления и обозначить основные вехи истории археологического изучения могильников обозначенного типа в Южном Зауралье.